

Министерство культуры Российской Федерации
**Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»**

Научная статья

**Литографии из старообрядческой молельни в коллекции
Кирилло-Белозерского музея-заповедника**

Н.В. Петрова

Начиная со второй половины XIX века, в нескольких деревнях Новленской волости Вологодского уезда жили семьи старообрядцев – выходцев из Петербургской и Тверской губерний. В деревне Каргачево, в трех километрах от села Новленское, в двухэтажном жилом доме семьи Калягиных находилась молельня, которая являлась центром старообрядческой общины. Последними руководителями общины были Федор Иванович Калягин, а затем его сын Петр Федорович. В 1930-х годах молельня была закрыта, и до 1981-го года культовые предметы, принадлежавшие общине, а также лубок, книги, документы хранила Анна Петровна Калягина (ок.1894–1981) – дочь Петра Федоровича [6, с. 5–6]. После смерти Анны Петровны в 1981–82-ом году экспедиции Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ВГИАХМЗ) и Библиотеки Академии наук (БАН) выявили в деревне Каргачево несколько сотен рукописных и старопечатных книг, произведений иконописи, графики, меднолитой пластики. Памятники пополнили фонды ВГИАХМЗ и БАН [6, с. 7]. В 1985 году из этого же молельного дома поступил комплекс предметов в Кирилло-Белозерский музей-заповедник. В его состав входит 20 графических листов – лубочных картинок.

В числе поступивших произведений имеется семь раскрашенных вручную литографий конца XIX–начала XX века. Они были напечатаны в неизвестных типографиях, так как не имеют выходных данных. Тексты листов набраны кириллическим шрифтом. Литографический способ печати изобрел Алоизий Зенефельдер из Богемии в 1798 году. В 1830-х годах началось изготовление литографий в России. Технология печати гравюр заключалась в том, что на поверхность камня специальным жиросодержащим карандашом, способным удерживать краску, наносилось изображение. Затем краска под давлением переносилась на лист бумаги [12, с. 96].

Популярными в народе, а особенно у старообрядцев, в XVIII–начале XX века были образы Сирина и Алконоста – райских птиц с человеческими чертами. Образ Сирина пришел на Русь с Востока еще в XI–XII веках. Его можно увидеть в древнерусской архитектуре, книжной миниатюре, прикладном искусстве. Некоторые исследователи полагают, что в основе этого образа лежит образ античной сирены – птицедевы, испускающей чарующую музыку и пение, которые пленяют души людей [3, с. 168–169]. Изображение Алконоста появляется в русском изобразительном искусстве на основе литературных источников только в XVII веке. В различных древнерусских сборниках, «в Палее, Шестодневах, Физиологах, Хронографах фигурируют рассказы о том, что Алконост – это морская птица, выющая гнездо на песке у края моря и откладываяющая туда яйца. Когда приходит время. Алконост переносит яйца на середину моря и опускает их на дно, а сама садится на воду. Тогда море делается спокойным... Второе известное наименование Алконоста – Алкион». [3, с. 171]

Из Каргачевской молельни происходит два произведения с изображением птицедев – «Сирин» (КБИАХМ Г-752) и «Алконост и Сирин» (КБИАХМ Г-756).

В центральной части первого листа на кусте изображена райская птица в повороте влево, с поднятыми вверх крыльями, с длинными, до плеч, вьющимися волосами, с пышным «павлиньим» хвостом. Вокруг головы Сирина – нимб. В нижней части листа представлен пейзаж с архитектурой. В правом верхнем углу в рамке помещен текст из древнерусского исторического произведения «Хронограф» (Гранограф), в котором говорится о том, что птица райская Сирин обитает в Эдемском раю, своим пением возвещает будущую радость праведным. Иногда она слетает на землю и также сладкоголосо поет, но «если кому слышать случится, то тот от жизни своей отлучится» [Приложение 1]. Существуют две основные иконографии Сирина – в повороте вправо с короной на голове и в повороте влево с нимбом вокруг головы. Наше произведение относится ко второму типу иконографии (Фото 1).

Фото 1. Печатный лубок «Сирин». Конец XIX – начало XX века (КБИАХМ Г-752)

Печатные образы Сирина в России появились в XVIII веке. Известный исследователь лубочных картинок Д.А. Ровинский опубликовал в I книге своего многотомника «Русские народные картинки» три листа с изображением этой птицедевы [10, кн. I, с. 484–486, №№ 252, 254, 256]. Лубок под № 256 сейчас хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге (ГРМ) и датируется концом XVIII – началом XIX века [9, с. 21] (Фото 2).

Фото 2. Печатный лубок «Райская птица Сирина». Конец XVIII – начало XIX века (ГРМ)

Рукописный аналог Сирина из нашей коллекции имеется в собрании Государственного исторического музея в Москве (ГИМ) [4, с. 334, кат. 129] (Фото 3).

Фото 3. Рисованный лубок «Райская птица Сирина». Вторая половина XIX века (ГИМ)

Этот старообрядческий лубок неизвестного происхождения датируется второй половиной XIX века. Вероятно, рукописный лист был создан на основе печатного, подобного листу из коллекции Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Мастера не только сами разрабатывали темы и композиции, но и заимствовали их из печатных народных картинок.

Вероятно, у Сирина из нашего собрания был парный лист с образом Алконоста.

На второй литографии «Алконост и Сирин» в повороте к центру изображены обе райские птицы (Фото 4). Они сидят на густых ярко раскрашенных кустах. Иконография Сирина аналогична предыдущему образу. Нижние части птиц схожи до пояса. Верхняя часть – Алконоста – человеческая. На голове Алконоста – корона. Птицедева держит в левой руке райскую ветвь, облачена в ярко-красную рубаху с растительно-геометрическим орнаментом. В нижней части листа помещены тексты из Хронографа, характеризующие птиц. Текст о Сирине подобен тексту первой гравюры. В тексте об Алконосте говорится, что она пребывает близ рая, иногда на реке Евфрате бывает. Когда она поет, то и сама себя не слышит, а кто окажется вблизи нее, тот сам себя забудет, ума лишится, и душа его из тела изойдет. В тексте говорится также, что птица Алконост «этими песнями святых утешает и будущую им радость возвещает» [Приложение 2].

Фото 4. Печатный лубок «Алконост и Сирин». Конец XIX–начало XX века. (КБИАХМ Г-756)

Печатные образы Алконоста в России, так же как и образы Сирина, появились в XVIII столетии. Одно из ранних произведений хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве [11, с. 39–40, кат. 50]. Д.А. Ровинский опубликовал несколько гравюр, датированных XIX веком, с образами Алконоста на отдельном листе и Алконоста и Сирина – вместе [10, кн. I, с. 484–487, №№ 253, 255, 257]. Как правило, Алконост изображается в повороте вправо. В руках птица держит развернутый свиток с текстом, ветвь или крест.

Среди опубликованных лубочных картинок, близкий по иконографии образ Алконоста хранится в ГИМе (на отдельном листе) [4, с. 340, кат. 132] (Фото 5).

Фото 5. Рисованный лубок «Райская птица Алконост». Вторая половина XIX века (ГИМ)

Похожий по иконографии парный образ птиц, датированный концом XVIII века, имеется в коллекции Российской государственной библиотеки в Москве (РГБ) [5, кат. 80] (Фото 6).

Фото 6. Рисованный лубок «Птицы райские Алконост и Сирин». Конец XVIII века (фрагмент) (РГБ)

Гравюры «О славе небесной и радости праведных вечной» (КБИАХМ Г-749) и «Как здесь лучше скорби и беды терпеть, нежели там» (КБИАХМ Г-751, Г-757, НВ-3859) в качестве литературной основы имеют сюжеты, содержащиеся в «Великом зеркале» – сборнике нравоучительных притч, переведенном в России с польского языка в XVII веке.

Верхнюю часть литографии «О славе небесной и радости праведных вечной» занимает изображение (Фото 7). Здесь в двух временных отрезках представлен инок у ворот монастыря – слева и перед цветущим деревом – справа. В тексте рассказывается история о монахе, который размышлял о том, как перед Господом тысяча дней проходит, словно один день. Однажды он увидел влетевшую в храм прекрасную птицу. Монах последовал за ней. Выйдя из церкви, а затем из монастыря, он оказался на цветочном поле. Слушая сладкоголосую райскую птицу, взлетевшую на дерево, монах оказался в забытии, «не зная, сколько стоял, только радуясь и веселясь птичьей красотой». Вернувшись в монастырь, инок понял, что с тех пор как он оставил обитель, прошло уже триста лет [Приложение 3].

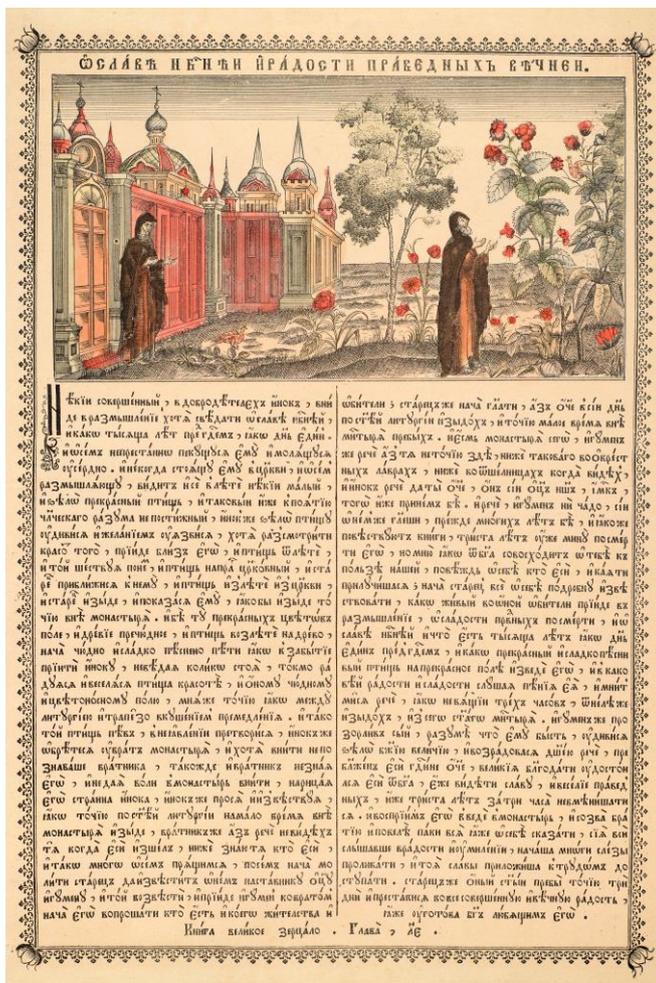

Фото 7. Печатный лубок «О славе небесной и радости праведных вечной». Конец XIX – начало XX века (КБИАХМ Г-749)

Интересный и поучительный сюжет об «очарованном иноке» был популярен в Западной Европе и России. Он вдохновил немало писателей и поэтов. Так, российский

литератор и историк Н.М. Карамзин взял его за основу для повести «Райская птичка», вышедшей в «Московском журнале» в 1791 году [2, с. 125-132].

Лубочные листы с иллюстрацией этого сюжета появляются в России в XVIII веке. Д.А. Ровинский публикует двухлистовую гравированную на меди картинку, состоящую из девяти клейм, датированную первой половиной XVIII века [10, кн. III, с. 61–64, № 716]. Аналогов нашему листу пока не опубликовано.

В коллекции музея хранятся три печатных листа «Как здесь лучше скорби и беды терпеть, нежели там» (КБИАХМ Г-751, Г-757, НВ-3859) (Фото 8). Литературной основой для них послужил сюжет из 33 главы сборника «Великое Зерцало».

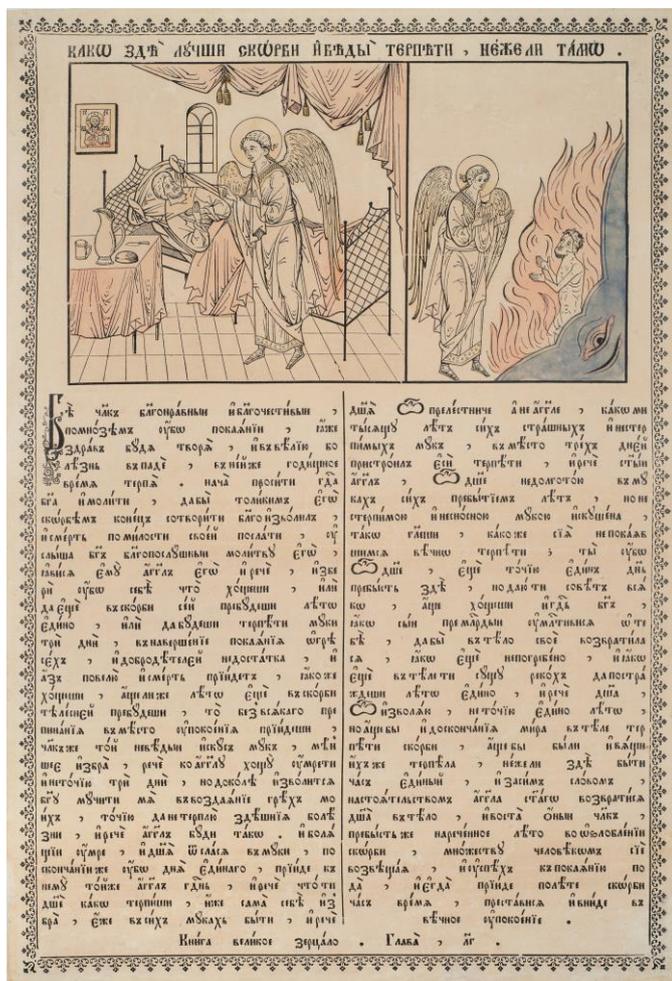

Фото 8. Печатный лубок «Как здесь лучше скорби и беды терпеть, нежели там». Конец XIX – начало XX века (КБИАХМ Г-751)

Верхняя часть гравюр разделена на две части. Сюжет притчи разворачивается в двух сценах. Слева в интерьере комнаты перед больным, лежащим на кровати, стоит ангел. Справа ангел стоит перед человеком, томящимся в аду. Текст лубочной картинки повествует о том, что некий человек тяжело заболел. После года болезни человек стал просить Господа

а расшифровываются в левой верхней части листа. В основе гравюры лежит библейский сюжет о колоссе на глиняных ступнях, который явился во сне царю Навуходоносору и был разрушен оторвавшимся от горы камнем. Сон этот был истолкован пророком Даниилом. Друг за другом падут царства – ассирийское, мидское и персидское, греческое, римское, восточное и западное (Дан. 2). У ног колосса представлены четыре библейских зверя, показанных ангелом пророку Даниилу. Они олицетворяют царства, которым предстоит погибнуть – лев (Ассирия), медведь (Персия), леопард (Греция), десятирогий зверь (Рим) (Дан. 7).

Фото 11. Печатный лубок «Тело Златое». Конец XIX – начало XX века (КБИАХМ Г-746)

Подобные печатные листы под названием «Монархический колосс» русские мастера начали копировать с немецких образцов в XVIII веке. Д.А. Ровинский опубликовал несколько картинок и сделал их подробное описание [10, кн. II, с. 1–8, № 293, кн. IV, с. 363–364].

В XIX веке на основе печатных лубков появляются рукописные. Четыре рисованных листа хранятся в ГИМе [4, с. 310–321, кат. 119–122]. Один из них можно считать иконографическим аналогом нашего произведения [4, с. 314, кат. 120] (Фото 12).

Фото 12. Рисованный лубок «Монархический колосс». Середина XIX века (ГИМ)

Специалисты, участвовавшие в экспедициях Вологодского музея-заповедника и Библиотеки Академии наук, выяснили, что старообрядцы каргачевской общины принадлежали к беспоповцам–филипповцам [7, с. 5]. В XVIII веке они отделились от поморского согласия, возникшего на реке Выге в конце XVII столетия. Именно Тверская губерния стала первым прибежищем для представителей этого толка [13, с. 174–175]. Переехав в Вологодский край, старообрядцы привезли с собой библиотеку, иконы, другие предметы культа. Во второй половине XIX – начале XX века духовное и материальное собрание общины пополняется. Источники поступления были различны. Вероятно, в общине продолжали переписывать книги, что-то передавалось в дар. Среди поступивших в музей памятников имеются произведения меднолитой пластики, хромолитографии, выполненные старообрядцами-федосеевцами в Москве [7, с. 7; 8, с. 8]. Это говорит о связях каргачевской общины с представителями близкого им толка. Можно предположить, что большая часть, рассмотренных в статье литографий, поступила из Москвы и была раскрашена в общине.

Список литературы

1. Бородулина А.А. Коллекция «Графика» в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. 2015, 9 с. Сайт Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Режим доступа: https://kirmuseum.org/ru/issledovatelyam/64_elektronnaya_biblioteka?page=4
2. Джанумов А.С. Трансформация сюжета «Очарованный инок» в литературной и фольклорной традиции. / А.С. Джанумов // Вестник МГОУ. № 3. – М, 2010 – с.125–132
3. Иткина Е.И. Райские птицы Сирий и Алконост в художественной традиции Выга / Е.И. Иткина // Выговская Поморская пустынь и ее значение в истории России. Сборник научных статей и материалов. – СПб, 2003. – с. 168–180
4. Иткина Е.И. Рисованный лубок старообрядцев в собрании Исторического музея / Е.И. Иткина. – М, 2017. – 392 с.
5. Лубок. Русские народные картинки XVII – XVIII вв. – М, 1968. – 120 с.
6. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 1, Вып. 4 / Под общей редакцией П.А. Колесникова. – Вологда, 2001. – 279 с.
7. Петрова Н.В. Старообрядческое медное литье в собрании Кирилло-Белозерского музея заповедника. 2015, 11 с. Сайт Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Режим доступа: https://kirmuseum.org/ru/issledovatelyam/64_elektronnaya_biblioteka?page=10
8. Петрова Н.В. Хромолитографии из старообрядческой молельни в коллекции Кирилло-Белозерского музея-заповедника. 2017, 8 с. Сайт Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Режим доступа: https://kirmuseum.org/ru/issledovatelyam/64_elektronnaya_biblioteka?page=17
9. Религиозный лубок. Второй половины XVIII – начала XX века. Из собрания Русского музея. – СПб., 2012 – 96 с.
10. Ровинский Д.А. Русские народные картинки: в 9 т. / Д.А. Ровинский – СПб., 1881
11. Русские народные картинки XVII – XVIII веков. Гравюра на дереве. – М., 1970 – 49 с.
12. Светский лубок. Конец XVIII – начала XX века. Из собрания Русского музея.– СПб., 2015 – 96 с.
13. Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I–XXI веков. Словарь /Д.А. Таевский. – М., 2003 – 320 с.

Приложение 1

Текст надписи на гравюре «Сирин» (КБИАХМ Г-752)

Птица райская зовомая сирин,
гласъ ея в пеніи зело силенъ.
На востоце в едемском раю пребы
вает. непрестанно пеніе красно во
спевает Праведным будущую радост
возвещает, которую господь стымъ
своимъ обещаетъ. Временемъ
влетает ина землю кнам, подо
бно сладкопесенно поет якоже и там
Всяк бо человекъ во плоти живя, не
может слышати гласа ея. Аще
кому слышати случится, тако
вы от жития сего отлучится. Но
не яко тамо онъ пребываетъ, а
воследъ ея теча пад умираетъ.
Книга Гранографъ гла. 48

Приложение 2

Текст надписи на гравюре «Алконост и Сирин» (КБИАХМ Г-756)

(Левый столбец)

Птица райская алконост: близъ рая пребывает. Некогда ина Ефра
те реце бывает. Егда же в пеніи глас испущает тогда и сама се
бе не ощущает. А кто во близости ея будет, той все в міре сем
позабудет. Тогда умъ отнего отходит. И душа его из тела исходит.
Таковыми песньми святыхъ утешает, и будущую имъ радость возве
щает. И многая благая тем сказуетъ. То и яве перстом указывает

(правый столбец)

Птица райская зовомая сирин. Гласъ ея в пеніи зело силенъ. На востоце
в едемском раю пребывает, непрестанно пеніе красно воспеваает. Правдным
будущую радостъ возвещает, которую Господь стымъ своимъ обещааетъ. Временемъ вле
тает ина землю кнам, подобно сладкопесенно поет якоже и там. Всяк бо человекъ вопло
ти живя, неможет слышати гласа ея. Аще кому слышати случится, тако
выи от жит сего отлучится. Нонеяко тамо он пребывает. Авослед ея теча пад умираетъ

Приложение 3

Текст надписи на гравюре «О славе небесной и радости праведных вечной»

(КБИАХМ Г-749)

Некіи совершенный в добродетелехъ инокъ вни
де вразмышленіе хотя сведати о славе небесней
и како тысяща лет пред господемъ яко день един.
и осемъ непрестанно пекущуся ему и молящуся
усердно. И некогда стоящу ему в церкви, и осем
размышляющу, видитъ и се влете некіи малый,
и зело прекрасный птищъ, и таковыи иже к поятию
челческаго разума не постижный, инокъ же зело птищу
удивися и желаніем уязвися, хотя разсмотрити
красоту того, прииде близь его, и птищъ отлете,
и той шествуя понем, и птищъ напрагъ церковный, и ста
рецъ приближися к нему, птищъ излете из церкви,
и старецъ изыде, ипоказася ему, якобы изыде то
чию вне монастыря. Ибе ту прекрасныхъ цветовъ
поле, и дровіе пречюдное, и птищъ возлите на древо,
нача чюдно исладко песнено пети яко в забытіе
прийти иноку, неведая колико стоя, токмо ра
дуяся и веселяся птища красоте, и оному чюдному
и цветоносному полю, мня же точию яко между
литургією и трапезо вкушеніемъ премедленія. И тако
той птищъ певъ, вневявленіи претворися, инокъ же
обретеся увратъ монастыря, и хотя внити не по
знаваше вратника, такожде и вратникъ незная
его, и не дая воли в монастырь внити, нарица
его странна инока, инокъ же прося иизвествуя,
яко точию постей литургіи немало время вне
монастыря изыде, вратникъ же азъ рече невидехъ
тя когда еси изшелъ, ниже знаютъ кто еси,
и тако много осемъ прязщима, посемъ нача мо
лити старецъ даизвеститъ онемъ наставнику отцу
игумену, и той возвести, и прииде игуменъ ковратомъ

нача его вопрошати кто есть и коего жителства и обители; старецъ же нача глати, азъ отче в сіи день постей литургіи изыдохъ, и точію малое время вне мнстыря пребыхъ. И есмь монастыря сего, игумень же рече азъ ты не точію zde, ниже таковаго воокрестныхъ лаврахъ, ниже воотшелницахъ когда видех, и инокъ рече даты отче, сіи отць нашъ, имярек, того иже приемъ бе. И рече, игумень ни чадо, сіи о нем же глаеши, прежде многихъ летъ бе, и яко же повествуютъ книги, триста летъ уже мину по смерти его, но мню яко от бога совосходитъ о тебе къ пользе нашей, вовеждь о себе подробну извествовати, како живый во оной обители пріиде въ размышленіе, о сладости праведныхъ по смерти, и о славе небесней и что есть тысяща летъ яко день единъ предъ господемъ, и како прекрасный и сладкопеснивый птищъ на прекрасное поле изведе его, и в како вей радости и сладости слушаая пеніе ея, и мнит мися рече, яко не ващии трехъ часовъ, от нележе изыдохъ, из сего стаго мнстыря. Игумен же прозорливъ сый, разуме что ему бысть, удивися зело божию величию, ивозрадовася душою рече, пре блаженъ еси господине отче, великая благодати удостоился от бога, еже видети славу, и веселіе праведныхъ, иже триста летъ затри часа невменишати ся. Ивоспріим его введе в монастырь, и созва братію и повеле паки вся яже о себе сказати, сія вси слышавше в радости и умиленіи, начаша многи слезы проливати, и тоя славы приложиша к трудомъ до ступати. Старецъ же оный святой пребы точію три дни и преставися во всесовершенную и вечную радость, яко уготова богъ любящимъ его

Книга великое зеркало, Глава 35

Приложение 4

Текст надписи на гравюре «Как здесь лучше скорби и беды терпеть, нежели там»
(КБИАХМ Г-751, Г-757, НВ-3859)

Бе человекъ благонравныи и благочестивыи,
помоземъ убо покаяніи, яже
здравъ будя творя, ивъ велію бо
лезнь въпаде, в нейже годищное
время терпя. Нача просити Господа
Бога и молити, дабы толикимъ его
скорбемъ конецъ сотворити благо изволилъ,
и смерть по милости своей послати, у
слыша Богъ благопослушныи молитву его,
явися ему ангел его и рече, избе
ри убо себе что хочещи, или
да еще въскорби сей пребудеши лето
едино, или да будеши терпети муки
три дни, вънавершеніе покаяніа огре
хъ, и добродетелей недостатка, и
азъ повелю и смерть приидеть, яко же
хочещи, аще ли же лето еще въ скорби
телесней пребудеши, то без всякаго пре
пинанія въ место упокоенія приидеши,
человекъ же той неведыи искусь мук, мен
шее избра, рече ко ангелу хощу умерети
и неточію три дни, но доколе изволитя
богу мучити мя в въ воздаяніе грехъ мо
ихъ, точію да не терплю здешнія боле
зни, и рече ангел буди тако. и боля
щій умре, и душа от слася въ муки, по
скончаніи же убо дня одинаго, прииде къ
нему тойже ангел господень, и рече что ти
душе како терпише, иже сама себе из
бра, еже въ сихъ мукахъ быти, и рече

душа О прелесниче а не ангеле, како ми
тысящу летъ сихъ страшных и нестер
пимыхъ мукъ, въ место трехъ дней
пристроиль еси терпети, и рече святой
ангель, О душе недолготою въму
кахъ сихъ пребытіем летъ, но не
стерпимою и несносною мукою искушена,
такo глeши, како же сія не покаяв
шимся вечно терпети; ты убо
О душе, еще точію единъ день
пребысть зде, но даю ти советъ вся
ко, аще хоциши и господь богъ,
яко сии премилосердыи умолитивися о те
бе, дабы въ тело свое возвратила
ся, яко еще непогребено, и яко
еще в телети сущу рекохъ дапостра
ждеши лето едино, и рече душа,
О изволяю, не точію едино лето,
но аще бы и доскончанія мира въ теле тер
пети скорби, аще бы были и ващи
ихъ же терпела, нежели зде быти
часъ единый, и засимъ словомъ,
настоятельствомъ ангела святого возвратися
душа въ тело, и воста оный человек,
пребысть же нареченное лето во озлобленіи
скорби, множеству человекомъ сіе
возвещая, и успехъ въ покаянію по
да, и егда прииде полете скорби
часъ время, преставися и вниде въ
вечное упокоение.

Книга великое зеркало, Глава, 33